

прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе: Межвуз. тематический сб. Ярославль, 1981.

4. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979.
5. Зеленецкий В. С. Объект уголовно-процессуального познания действительности // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.
6. Лариц А. М. и др. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М.: Наука, 1979.
7. Лузгин И. М. Методические проблемы расследования. М., 1973.
8. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982.
9. Стойко Н. Г. Объект и предмет уголовно-процессуального доказывания // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам: Межвуз. сб. Красноярск, 1985.
10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.

Н. Г. СТОЙКО

ИДЕАЛЬНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Известно, что уголовный процесс — это организованная деятельность, построенная в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальными законами и осуществляемая по законам материалистической диалектики (и формальной логики) (см.: 18, с. 35, 55). Отсюда можно говорить о правовой, познавательной и логической формах организованности уголовного судопроизводства.

По правовой форме процесс представляет собой установление уголовного правоотношения (см.: 12, с. 24—28), по познавательной — накопление, приобретение знаний для этого (см.: 18, с. 287), по логической — обоснование знаний об этом (см.: 18, с. 288—289). Таким образом, выступает юридическая формализованность производства по уголовному делу, его способность установления реальных обстоятельств и доказательность.

Указанные формы относятся к разным уровням в принципе единой организованности уголовного процесса: внешнему (правовая) и внутреннему (познавательно-логическая). Их взаимодействие выражается в том, что законы диалектики проявляются в процессуальных и уголовных законах,

строющихся так, чтобы побуждать должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда поступать в соответствии с объективными законами мышления (см.: 5, с. 11; 18, с. 289—290). Иначе говоря, юридические законы создают условия, при которых только и возможно сознательное применение законов мышления в уголовном судопроизводстве.

Сказанное, однако, не означает, что для раскрытия сущности уголовного процесса достаточно анализа его внешней организованности с помощью юридических законов, т. е. регулируемого законами порядка деятельности (процессуальной формы). Наоборот, первостепенное значение имеет изучение внутренней организованности судопроизводства с помощью законов диалектики. В ином случае понятие процесса сливается с понятием процессуальной формы (условий осуществления судопроизводства), явление отождествляется с его внешней формой (см.: 6, с. 6—7; 2, с. 7).

Действительно, установление уголовного правоотношения может рассматриваться как форма по отношению к порядку процессуальной деятельности или как условие ее производства, а указанный порядок — как форма процесса, в которой находит выражение характер материально-правового отношения (см.: 6, с. 29—31), определяемый лишь по мере всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (см.: 12, с. 24—28).

Только с учетом приведенных взаимопереходов уровней и форм организованности уголовного судопроизводства, в его конкретном развитии и нужно изучать последнее. Поэтому обратимся к конкретному должностному лицу, представляющему органы, ведущие процесс. На наш взгляд, уголовный и уголовно-процессуальный законы, задающие внешнюю форму деятельности, используются этим лицом в качестве источника информации о важнейших условиях производства по делу. Отсюда лицо должно иметь прежде всего понятие о преступлении, совершение которого вызывает к жизни уголовное правоотношение и требует принудительной реализации этого правоотношения в процессуальной форме. Ведь уголовный процесс как социальный вид деятельности появляется в связи с общеизвестностью факта совершения преступлений в обществе и проблематичностью факта совершения конкретного преступления. В этом смысле при производстве по каждому уголовному делу всегда имеется альтернатива совершению преступления — его не совершение,

что отражено в вопросе об уголовной ответственности (см. 13, с. 7), или неопределенности существования преступления (см.: 9, с. 5—6). Тем не менее обстоятельства, подлежащие доказыванию, описаны в ст. 68 УПК РСФСР вполне однозначно как обстоятельства преступления. Законодатель учитывает, что юридически значимыми для уголовного процесса — социального вида деятельности — может быть только один объект — преступление (см.: 2, с. 3).

Конечно, в своем конкретном исследовании, организованном по принципу всесторонности, полноты и объективности, органы предварительного расследования, прокуратуры и суды всегда должны отражать тот объект, который есть действительности. Однако, познавая определенные обстоятельства, указанные субъекты стремятся найти в них свойства и связи, юридически значимые для квалификации, осуждения и наказания, выделяя таким образом предметную область своей деятельности. Если же преступление не будет установлено, значит в подвергнутых изучению обстоятельствах искали, но не нашли названные свойства и связи, которые давно проявили себя в массе случаев социальной практики расследования и разрешения уголовных дел. По этой причине совершение преступления предполагается по каждому уголовному делу, хотя и не по каждому подтверждается.

Сказанное обуславливает, по нашему мнению, возникновение идеализированного объекта, или идеальной познавательной модели (см.: 1, с. 196), вызываемой разрешением видимого противоречия между отражением в знании субъектом объекта уголовного процесса как вида человеческой деятельности и отражением объекта уголовного процесса как производства по конкретному уголовному делу.

Речь идет об информационной модели — образе обстоятельств совершения преступления, не имеющей по своим характеристикам аналога в объективном мире, признаки которой в фактическом плане ничем не отличаются от признаков события, явления действительности, а в юридическом совпадают с признаками преступления. То есть в этой модели субъект отвлекается от индивидуальных свойств всех реальных объектов и пополняет полученный образ признаками одного из них — преступления.

Очевидно, что требуется прежде всего должное изучение закона, литературы, профессионализм, а не конкретный процесс собирания, проверки и оценки доказательств. Поэтому

последний фактически начинается с вероятностной интерпретации имеющихся данных, ведущей к понятийно-образному отражению преступления. Причем такому отражению, за которым стоит понимание определенным субъектом социального факта совершения преступлений, накладываемое на конкретную ситуацию. Обстоятельства, на которые указывают эти данные, соотносятся с законодательными моделями «обстоятельства, подлежащие доказыванию» и «состав преступления». Отсюда в самом общем плане делается положительный вывод о происшествии определенного события (явления действительности), по своей структуре совпадающего с описанным в ст. 68 УПК и подпадающего под признаки преступления.

Таким путем задается форма внутренней (познавательной-логической) организованности уголовного процесса как разрешения предположения о совершении преступления, которое (предположение) конкретный субъект использует в качестве модели значимых условий своей деятельности, или комплекса исходной информации, необходимой для успешного осуществления производства по уголовному делу.

Значение сходной модели экспериментально установлено О. А. Конопкиным для элементарного акта осознанной регуляции деятельности (см.: 10, с. 208—211). Разумеется, прямую аналогию здесь проводить нельзя, но общая характеристика сравниваемых моделей будет одинакова по крайней мере в одном отношении: выполнении функции источника информации, которая должна быть учтена программой соответствующей деятельности.

Качество такой модели в уголовном процессе (как и в элементарном процессе саморегуляции деятельности) во многом определяется тем, в каком виде понятии и приняты субъектом сформулированные в законе (ст. 2 УПК) задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения всех виновных и недопущения привлечения к ответственности невиновных (см.: 10, с. 206—207). Только при условии совпадения социально осознанных (указанных в ст. УПК) и субъективно принятых целей идеальная модель (предположение) совершения преступления будет способствовать успешности уголовного судопроизводства, требуя исследования конкретных обстоятельств как обстоятельств преступления и определения способ такого исследования.

Имеется в виду, что на рассматриваемой модели подтверждаются определенные связи (свойства и отношения)

реальных объектов. С помощью построения и развития все возможных предположений эти связи объясняются и расчлениаются на существенные и посторонние для данной модели. Иначе говоря, информационная модель — образ совершения преступления постоянно находится в центре внимания субъекта как то, с чем сопоставляются обстоятельства дела, объясняемые соответствующими следственными версиями, которые выдвигают и проверяют, исходя из названной модели.

Все это позволяет идеальной модели совершения преступления способствовать обеспечению целенаправленности познания по уголовным делам (путем указания на единый объект), переходу от одной стадии процесса к другой (путем отражения возможности установления иного объекта), правильности квалификации (путем выражения юридических признаков преступления), а также предупреждению появления обвинительного уклона в деятельности органов, ведущих процесс (путем подчеркивания предполагаемого характера происшедшего события преступления).

Необходимо отметить, что использовать данную познавательную модель в уголовном процессе возможно практически только органам предварительного расследования, прокуратуры и суда, которые являются единственными субъектами — носителями общих целей судопроизводства, сформулированных в ст. 2. УПК. Другие субъекты процессуальных правоотношений, не принимая и не строя свою деятельность в соответствии с общими целями, лишь участвуют в том, что уже было организовано с помощью рассматриваемой модели.

В то же время эти субъекты, очевидно, могут в принципе использовать иные идеальные модели для организации собственной деятельности.

По всей видимости, к таким субъектам относится прежде всего адвокат как наиболее юридически и профессионально подготовленный участник процесса, относительно длительно действующий в нем.

Функциональные цели адвоката существенно отличаются от целей органов, ведущих процесс (см.: 20, с. 51—52). Согласно ст. 51 УПК, он обязан выяснять обстоятельства, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого. Причем требование всесторонности, полноты и объективности ему не предъявляется и, следовательно, по существу разрешается оправдательный уклон. В том и состоит назначение адвоката в уголовном судопроизводстве, чтобы представить обстоятельства дела под углом зрения оправдания

своего подзащитного и таким образом повлиять на внутреннее убеждение должностных лиц органов, ведущих процесс, а тем самым и на формирование достоверных выводов по делу. Однако, будучи объективно включенным в деятельность указанных органов, адвокат не всегда оказывается способен правильно организовать свои действия (см.: 4, с. 129, 140).

Объясняется это в немалой степени тем, что он начинает воспринимать познавательные цели органов, ведущих процесс, как свои. В результате еще до судебного расследования адвокат соглашается с обоснованностью предъявленного ему подзащитному обвинения. В лучшем случае он высказывает такие сомнения в доказанности обвинения, которые, как правило, и без его участия возникают у суда или прокурора. В худшем — становится на позиции безразличного или даже негативного отношения к подзащитному, не замечая и смягчающих обстоятельств. Подобная «активность» адвоката приносит практически мало пользы.

На наш взгляд, избежать этого данному участнику процесса можно в определенной мере с помощью идеальной познавательной модели совершения преступления. Такая модель, видимо, должна отвечать рассмотренным требованиям, предъявляемым к идеальной модели совершения преступления, и возникать в аналогичных условиях.

Только при понятийно-образном отражении несовершенства преступления у адвоката возникнет понимание социального осознанного факта возможности неустановления преступлений по уголовным делам. Поэтому обстоятельства, на которые указывают имеющиеся у упомянутого субъекта данные, должны им соотноситься с законодательными моделями «оправдывающие обстоятельства», «отсутствие события преступления», «недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления», «отсутствие состава преступления». Тогда неизбежным будет самый общий вывод о происшествии события (явления действительности), по своей структуре совпадающего с описанным в п. 1, 2 ст. 5 и ч. 2 ст. 208 УПК и не подпадающего в связи с этим под признаки преступления.

Таким образом определится форма познавательно-логической организации деятельности адвоката как разрешения предположения о несовершении преступления и будет обеспечено принятие названным субъектом цели единой деятельности для выявления либо оправдывающих, либо смягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств.

Для того чтобы сказанное стало более реальным, необходимо расширить самостоятельность адвоката в деле, допустив его к участию в деятельности следователя. В этой связи целесообразно было бы обеспечить присутствие адвоката при производстве всех действий с участием подозреваемого и обвиняемого, независимо от воли (но с сохранением всех властных полномочий) того или иного должностного лица (см.: 11, с. 45; 16, с. 87; 17, с. 57—61).

С той же целью можно еще предусмотреть в законе обязательное составление адвокатом особого заключения (см.: 14, с. 132; 15, с. 73). Такое заключение, на наш взгляд, должно:

1. Составляться по итогам предварительного следствия адвокатом.

2. Содержать выводы (как вероятные, так и достоверные) по всем обстоятельствам, оправдывающим или смягчающим ответственность обвиняемого.

3. Строиться по аналогии с речью защитника.

4. Быть ориентированным на опровержение, постановку под сомнение обвинения.

5. Вскрывать все недостатки предварительного следствия, если это не противоречит интересам обвиняемого.

6. Демонстрировать оправдательный характер проведенного исследования.

В то же время нет необходимости проводить аналогию между условиями составления названного заключения и обвинительного.

Во-первых, это будет питать иллюзию о якобы состязательности советского уголовного процесса, приведет к искажению представления о его социальном назначении. Составляющий свое заключение адвокат — представитель личности в уголовном процессе, а составляющий обвинительное заключение следователь — представитель государства. Ставить между ними знак равенства даже в рассматриваемом отношении нельзя, так как фактически это означает провозглашение равенства между личностью и государством (см.: 2, с. 10—11; 6, с. 31; 19, с. 81—82). Нельзя адвоката и следователя рассматривать и как коллективный субъект (см.: 8, с. 33), ведь они не имеют общих целей и общей организации по осуществлению этих целей.

Во-вторых, необходимо еще учитывать неизбежное усложнение процессуальной формы и, как следствие, увеличение временных и материальных затрат. Поэтому, с нашей

точки зрения, составление заключения должно быть обязательным только для адвоката, предоставляться непосредственно в суд и рассматриваться последним в качестве документа как средства доказывания в смысле ст. 69 УПК. Причем сказанное не исключает того, что в организационно-методическом отношении это заключение для адвоката будет играть такую же роль, как обвинительное заключение для следователя.

Иногда возникают ситуации, когда пользоваться идеальной моделью несовершенства преступления вроде бы должны органы, ведущие процесс. Речь идет о деятельности, урегулированной положением (от 18 мая 1981 г.) о возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями должностных лиц. В нем говорится о реабилитации как восстановлении социального и правового статуса личности, которой был причинен ущерб незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Природа этой деятельности достаточно сложна и определяется неоднозначно. С одной стороны, реабилитация возникает из гражданско-правового обязательства возмещения вреда и потому в принципе может рассматриваться как гражданско-процессуальная (см.: 7, с. 81). С другой стороны, она «обладает рельефно выраженным началом публичности и специальным составом правоотношений», охватывающих уголовно-процессуальные по сути условия и основания имущественной реабилитации (см.: 3, с. 85). Не случайно указанная деятельность и ее основания регламентированы и в уголовно-процессуальном (ст. 58¹ УПК), и в гражданско-правовом законе (ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Вместе с тем использование названной модели органами предварительного расследования, прокуратуры и суда явно затруднено. Более того, оно вступает в противоречие с уголовно-процессуальной формой, требующей обязательного применения идеальной познавательной модели совершения преступления. Быть же «держателем» одновременно двух моделей соответствующий субъект не может в силу взаимосвязи способа его процессуальной деятельности с характером устанавливаемого уголовного правоотношения, о чем мы уже говорили.

Дело еще и в том, что на момент появления оснований

для реабилитации цели уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК) уже достигнуты. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы вывести указанную деятельность за рамки уголовного процесса, создав особое производство по реабилитации.

Возбуждать такое производство могли бы все органы, ведущие процесс. Однако непосредственные действия по реабилитации предпочтительнее производить суду, как наиболее авторитетному в глазах граждан органу. Впрочем, разумнее будет оставить этот вопрос на усмотрение самих граждан, имеющих конституционное право обжаловать в судебном порядке любые незаконные действия должностных лиц.

Содержание и форма данного производства будут задаваться установленным фактом несовершения преступления и соответствовать целям ограждения граждан от признанного незаконным обвинения, восстановления доброго имени, прав и законных интересов личности. Действующее сейчас Положение от 18 мая 1981 г. и Инструкция по его применению от 2 марта 1982 г. должны быть переработаны в единый нормативный акт, имеющий силу закона, о котором мы говорим в настоящей статье лишь в порядке постановки вопроса.

Итак, в уголовном судопроизводстве используются идеальные познавательные модели совершения и несовершения преступления. Первая — органами, ведущими процесс. Вторая — преимущественно адвокатом. Указанные модели во многом определяют форму деятельности соответствующих субъектов и помогают им правильно организовать свою деятельность. Последовательное использование второй модели предполагает расширение в уголовном процессе самостоятельности адвоката, составление им заключения по итогам предварительного следствия и приводит к постановке вопроса о создании особого производства по реабилитации.

1. Философский энциклопедический словарь М.: Сов. энциклопедия, 1983.
2. Арсеньев В. Д. Сущность и социальное назначение советского уголовного процесса // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Изд-во Краснояр. ун-та Красноярск, 1985.
3. Безлепкин Б. Т. Конституционное право граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного судебно-следственными органами // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
4. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М.: Юрид. лит., 1978.
5. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979.

6. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
7. Добровольская Т. Н. Возмещение материального ущерба, причиненного гражданам незаконными действиями должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
8. Кергандберг Э. М. О некоторых вопросах соотношения познания и уголовно-процессуального доказывания // Вопр. применения уголовно-процессуального законодательства. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1982.
9. Козлов А. С. Наука и методологическая организация судебно-следственного познания // Оптимизация расследования преступлений. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982.
10. Конюшкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
11. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
12. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
13. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
14. Побегайло Г. Д. К вопросу о дальнейшей демократизации советской адвокатуры. Тр. Воронеж. ун-та, 1970. Т. 38.
15. Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Сов. государство и право. 1985. № 1.
16. Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Сов. государство и право. 1985. № 2.
17. Стецовский Ю. Н. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юрид. лит., 1982.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
19. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
20. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

В. Е. КОРНОУХОВ

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА»,
«СИТУАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ»
И «ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ»

За последние годы усилилась разработка теоретических основ расследования (см.: 21; с. 213; 6, с. 69; 8, с. 213; 27, с. 97; 9, с. 353). Не останавливаясь на многих сложных и спорных вопросах, обратимся к анализу того понятийного аппа-